И еще противъ признанія СССР

Намъ пишутъ изъ Праги:

Пусть не посѣтуетъ на насъ читатель на настойчивое возвращеніе къ этой темѣ.

Приближается событіе, которое, отвѣчая требованіямъ текущей политики Чехословакіи, ставитъ на очередь вопросъ болѣе широкаго и первостепеннаго значенія — о взаимоотношеніяхъ славянства и національной, славянской Россіи.

И если общественное мнѣніе Чехословакіи въ извѣстной его части сознаетъ, что сегодняшнее правительство Россіи является властью антинаціональной и антиславянской и что признаніе этого правительства есть ударъ по національной Россіи, и слѣдовательно по всему славянству, то не обязаны ли мы прислушаться къ этому голосу? Чешская печать лучше насъ освѣдомлена о томъ, что политическая ситуація сегодняшняго дня диктуетъ признаніе, что этотъ вопросъ является предрѣшеннымъ, и если, тѣмъ не менѣе, часть этой печати не складываетъ оружія и не желаетъ закрывать глаза передъ завтрашнимъ днемъ, то русская печать и подавно не вправѣ этого дѣлать.

Мы обязаны слѣдить за проявленіемъ симпатій къ Національной Россіи со стороны братскаго чешскаго народа.

Мы можемъ въ этомъ отношеніи съ чувствомъ удовлетворенія отмѣтить рядъ фактовъ, дающихъ основаніе говорить о мнѣніи широкихъ общественныхъ круговъ, направленномъ противъ признанія Совѣтовъ.

Если раньше можно было говорить только о кампаніи противъ признанія, которую съ такой неослабленной энергіей ведетъ партія д-ра Крамаржа, то теперь мы можемъ констатировать отрицательное отношеніе къ признанію широкой публики, не укладывающейся въ партійныя рамки.

Въ этомъ отношеніи особаго вниманія заслуживаетъ передовая статья, появившаяся въ воскресномъ номерѣ (отъ 7 февраля) «Народной Политики», самой распространенной газеты во всей Чехословацкой республикѣ, газеты безпартійной, хотя ближе всѣхъ стоящей къ партіи народной демократіи.

Намъ незачѣмъ подробно передавать ея содержаніе: двѣ-три цитаты дадутъ достаточное представленіе о позиціи этой широко - обывательской газеты.

Газета рѣшительно высказывается противъ признанія совѣтской власти, «которую ненавидитъ и противъ которой возстаетъ каждый славянскій политикъ».

Признаніе Совѣтовъ недопустимо съ точки зрѣнія политической, ибо признаніе авторовъ Брестъ - Литовскаго договора есть забвеніе жертвъ, принесенныхъ національной Россіей во имя славянства Признаніе Совѣтовъ недопустимо съ моральной точки зрѣнія, ибо нельзя признавать убійцъ, грабителей и развратителей Россіи.

Но если моральные доводы недостаточны, то обратимся къ доводамъ утилитарнымъ.

Признаніе Совѣтовъ — это усиленіе коммунистической агитаціи, совѣтскія консульства въ Словакіи и Прикарпатской Руси — опасные очаги разложенія. Съ точки зрѣнія экономической — признаніе въ лучшемъ случаѣ безполезно, ибо совѣтское правительство можетъ оплачивать заказы лишь при предоставленіи ему долгосрочнаго огромнаго кредита, а въ состояніи - ли въ этомъ отношеніи Чехословакія сдѣлать то, что оказалось не подъ силу великимъ державамъ?

Въ послѣднюю минуту — говоритъ статья — пока еще есть искорка надежды, что можно предотвратить признаніе, надо рѣшительно возвысить свой голосъ противъ признанія.

«Противники большевицкой власти», — заканчиваетъ газета, — «сегодня потерпятъ пораженіе въ своей борьбѣ, но это пораженіе нѣкогда станетъ побѣдой и не только ихъ, но и всего нашего народа и государства. Изъ среды тѣхъ, кто сегодня потерпитъ пораженіе, нѣкогда будутъ всѣмъ народомъ выбраны послы которые отправятся въ славянскую Москву съ чистымъ щитомъ и будутъ тамъ приняты, какъ вѣрные сыны и надежные бойцы за славянскую идею, на которой только и зиждется будущность чехословацкаго государства».

Цитируемая нами статья появилась въ тотъ же день, когда можно было ожидать официальнаго объявленія о признаніи, такъ какъ наканунѣ органъ соціалъ демократовъ «Право Лиду» объявилъ, что все для признанія подготовлено и его надо ждать съ часу на часъ.

Возможно, что когда эти строки дойдутъ до Парижа, телеграмма о признаніи опередитъ ихъ.

Но думается, что это нисколько не устраняетъ необходимости познакомить русскаго читателя съ сомнѣніями и опасеніями чешскаго общественнаго мнѣнія

Эти сомнѣнія сказываются не только въ печати, но и въ резолюціяхъ городскихъ самоуправленій.

Коммунисты, входящіе въ составъ этихъ самоуправленій въ разныхъ городахъ поставили вопросъ о признаніи на очередь, но въ цѣломъ рядѣ городовъ Словакіи, о чемъ уже сообщалось, а теперь и въ Моравіи и въ коренной Чехіи, потерпѣли пораженіе: резолюціи съ требованіемъ признанія не собрали нужнаго большинства.

Говорить при такихъ условіяхъ о томъ что признаніе Совѣтовъ единодушно принимается страной, — уже не приходится.

Это — мѣропріятіе диктуемое политической ситуаціей сегодняшняго дня, но сопряженное съ большими осложненіями для дня завтрашняго, — конечно, въ историческомъ смыслѣ завтрашняго.

С. Варшавскій.

Мулатка Г-на Эренбурга

Въ одной изъ своихъ книгъ Илья Эренбургъ сообщилъ какъ-то небезынтересную черту изъ своей біографіи. Извѣстный авторъ вспоминаетъ, что какая - то близкая ему мулатка, будто бы, била его по щекамъ ростбифомъ.

Безъ всякаго сомнѣнія, это относится къ области весьма интимныхъ переживаній г-на Эренбурга, хотя самъ по себѣ фактъ и вызываетъ нѣкоторое недоумѣніе.

Что конфликтъ могъ произойти съ мулаткой — я допускаю.

Что г. Эренбургъ могъ потерпѣть при этомъ серьезное пораженіе — я тоже допускаю.

Но что мулатка дѣйствовала ростбифомъ — это , воля баша, вызываетъ сомнѣнія.

По крайней мѣрѣ изъ тысячи способовъ, какіе были въ распоряженіи мулатки, (зонтикъ, туфля, палка, кулакъ) ростбифъ наименѣе вѣроятенъ. И даже настолько маловѣроятенъ, что по неволѣ хочется спросить:

— Не ошибаетесь ли вы, молодой человѣкъ? Не приняли ли вы за ростбифъ самый обыкновенный утюгъ?

Иной вопросъ, однако, для чего и на какой предметъ разсказалъ г. Эренбургъ этотъ мулатскій случай?

Я, грѣшный человѣкъ, думаю, что это — кокетство. Г. Эренбургъ интереснича етъ. И мулаткой интересничаетъ, и ростбифомъ. Видите ли , сказать просто, что побила, молъ, берлинская нѣмка до ждевымъ зонтикомъ —это банально и даже пошло.

Но мулатка и ростбифъ — это уже экзотика, придающая г-ну Эренбургу нѣкоторый демоническій характеръ.

— Не всякаго бьютъ мулатки, да еще ростбифомъ!

Впрочемъ, онъ и весь такой, этотъ изодранный, вычурный, наизнанку вывороченный человѣкъ. Больше всего на свѣтѣ онъ боится простоты и искренности.

Искаженіе дѣйствительности ему необходимо, потому что, только въ «изломахъ», только въ уродствѣ онъ можетъ найти и «отобразить» красоту.

Онъ понимаетъ, что безъ мулатки и безъ ростбифа — ему грошъ цѣна.

Но онъ не понимаетъ, что и съ мулаткой ему цѣна — пятачокъ.

Это дешевенькое, пятачковое кокетство, свойственно однако, не только Эренбургу - автору, но и Эренбургу оратору. И въ своихъ публичныхъ выступленіяхъ онъ немыслимъ безъ мулатки.

На этихъ дняхъ, напр. въ Сосьете Савантъ, г-нъ Эренбургъ выступилъ съ докладомъ на нѣсколько «мулатскую» тему:

— «Съ Монмартрскаго холма и съ Воробьевыхъ горъ».

Я не былъ на докладѣ, но судя по отчету «Дней», — вижу, что г. Эренбургъ пошелъ еще дальше и совсѣмъ ужъ распоясался, бросая въ публику безсмысленные и не всегда благопристойные парадоксы:

— «Искусство возвращается къ своему исконному началу — куску мяса подъ кожаной курткой».

— «Кто не знаетъ, что такое бронепоѣздъ и революція, — но покажите намъ человѣка.»

«Дни» отмѣчаютъ, что докладчикъ съ удовольствіемъ передаетъ подслушанный имъ въ московской пивной манифестъ конструктивиста, ополчившагося на тяжелую глыбу человѣческаго зада — «Необходимо сдѣлать задъ динамическимъ треугольникомъ». ..

Я охотно избавляю читателя отъ другихъ, столь же динамическихъ, афоризмовъ и парадоксовъ заслуженнаго совѣтскаго писателя.., но достойно вниманія, что и этотъ его докладъ имѣлъ почти мулатское окончаніе

Ростбифа правда, не было, но послѣ лекцій, слова потребовалъ нѣкій молодой человѣкъ въ черныхъ очкахъ, который увѣнчалъ зданіе Эренбурга матерной бранью, направленной противъ докладчика

— Докладъ, — заявили черные очки, — никому не нуженъ и совершенно безполезенъ, а потому.. Тутъ черные очки сказали черное слово и при томъ такое увѣсистое, что весь залъ онѣмѣлъ.

Нашелся только докладчикъ:

— «У насъ, гражданинъ, въ совѣтской Россіи, за такія слова —три рубля штрафа и долой»...

Нѣтъ надобности и говорить, что гражданинъ въ черныхъ очкахъ былъ большевикъ, совѣтскій человѣкъ, что свои слова онъ привезъ въ Парижъ, вѣроятно въ дипломатическомъ багажѣ г-на Раковскаго

Но является вопросъ: почему же своего писателя «красу и гордость» литературной Москвы, онъ покрылъ не апплодисментами, а совѣтской словесностью?

Я думаю, что это не случайно. Этотъ «мулатъ съ ростбифомъ» явился какъ бы посланникомъ Немезиды.

Дѣло, видите ли въ томъ, что настоящіе большевики не любятъ ни политическихъ оборотней, ни литературныхъ перелетовъ. Смѣновѣховцамъ они не прощаютъ бѣлогвардейскаго прошлаго и говорятъ:

— А ты, стрекулистъ, гдѣ былъ, когда мы кровь проливали? Теперь ты про «динамическіе треугольники» говоришь, а гдѣ, подъ какой юбкой, сидѣлъ ты, когда мы въ окопахъ вшей кормили и деникинскіе пулеметы пробовали?

Согласитесь, что это вопросъ естественный и что самое зрѣлище такого литературнаго кривлянія можетъ раздражать..

Но, можетъ быть, это ошибка? Можетъ быть г Эренбургъ совсѣмъ не принадлежитъ къ литературнымъ оборотнямъ?

— Нѣтъ, это не ошибка. Это правда.

Я самъ помню, какъ въ Ростовѣ на Дону, въ редакцію нашей газеты, приходилъ г. Эренбургъ со своими «бѣлыми» статьями. Такой жалкій, оборванный, несчастный...

Боюсь ошибиться, но кажется, тогда онъ все про Мадонну писалъ, про кроткую Мадонну съ заплаканными глазами, которая взираетъ на ужасы войны

Г. Эренбургъ все добивался тогда за граничнаго паспорта и все просилъ нашего «бѣлогвардейскаго» содѣйствія.

Не помню, устроили ли мы ему паспортъ, но, въ мѣру возможности нашей, помогали. ...

А вотъ теперь г Эренбургъ уже «тамъ» уже перефасонился, перемѣнилъ кожу и не о кроткой Мадоннѣ пишетъ, а о «динамическомъ треугольникѣ» говоритъ...

Я, поэтому, и не удивляюсь, что гражданинъ въ «черныхъ очкахъ» такъ энергично привѣтствовалъ г-на Эренбурга.

Я бы тоже хотѣлъ, но мнѣ буржуазныя приличія не позволяютъ.

Впрочемъ, я въ этомъ отношеніи возлагаю свои надежды на мулатку съ грознымъ растбифомъ....

Александръ Яблоновскій.

Въ припадкѣ забывчивости

Газета Керенскаго «Дни» напечатала чрезвычайно грозную передовицу о «разрушителяхъ Россіи», которые сплотились вокругъ «зарубежнаго монархическаго съѣзда».

Эсъ-эровская газета предостерегаетъ русскихъ патріотовъ и «честныхъ русскихъ людей отъ помощи этимъ разрушителямъ».

Передовикъ газеты Керенскаго сочиняя грозную статью впалъ видимо въ такое состояніе ярости, которое дѣлаетъ человѣка невмѣняемымъ и отбиваетъ отъ него память.

«Русскій человѣкъ, любящій свою родину и жаждующій ея освобожденія и возрожденія — читаемъ мы въ этой передовой — не можетъ, не смѣетъ связывать свой дѣйственный патріотизмъ съ облом ками той династіи, и того самодержавія, которыя совмѣстными усиліями разрушили Россію и сдѣлали ее беззащитной передъ натискомъ большевицкаго хамства и варварства».

Другими словами правительство Керенскаго въ 1917 году «было беззащитно передъ натискомъ большевицкаго хамства и варварства» — благодаря «династіи» и «самодержавію».

Вотъ что помѣшало Керенскому арестовать Ленина, Троцкаго, Нахамкеса и пр. Помнится, что особенно трогательную заботливость проявилъ тогда Керенскій къ судьбѣ Нахамкеса. Теперь мы понимаемъ отчего — во всемъ повинно «самодержавіе».

Совѣты военачальниковъ, относящіеся къ дисциплинѣ въ арміи, Керенскій тоже не могъ слушать. Гдѣ ужъ тутъ, когда на пути стояла «династія»!!

И это все тогда такъ разстроило премьера, что онъ изъ правителя превратился сперва въ главноболтающаго, а потомъ въ сестру милосердія. Въ 1917 году эсъ-эровскій мавръ съ маріонеткой - Керенскимъ во главѣ сдѣлалъ свое дѣло — науськалъ, натравилъ, показалъ, гдѣ кровь, а потомъ самъ, какъ червякъ былъ почти раздавленъ большимъ пальцемъ матроса Желѣзняка.

Казалось, что все имъ содѣянное настолько ужасно, что несмотря на свою маврскую сущность, онъ уже никогда больше не посмѣетъ поднять голову.

Но годы текутъ и онъ началъ оправляться. Глаголуговаривающій опять смѣнилъ юбку на брюки. Надо думать, что онъ ходитъ дома въ военномъ кителѣ съ рукой на привязи и все чаще и чаще старается говорить грознымъ голосомъ — предостерегаетъ, поучаетъ, разноситъ и хвалитъ.

Порой онъ сильно увлекается, входитъ въ старую роль, вѣроятно видитъ вокругъ тысячи слушателей, и слышитъ громъ апплодисментовъ, какъ было тогда, въ ужасные лѣтніе и осенніе мѣсяцы 1917 года.

Но если онъ самъ многое забылъ, то мы ничего не забыли и не забудемъ, сколько бы лѣтъ ни прошло. Нѣкоторыя имена въ Россіи ненавистны для однихъ, другія для другихъ. Но есть лица въ отрицательномъ отношеніи къ которымъ сходятся рѣшительно всѣ и никакія обстоятельства не смогутъ въ сердцахъ современниковъ уничтожить это отрицательное отношеніе къ нимъ.

А. Питерскій.

Душа мужицкая

«Разъѣздной корреспондентъ» въ Экономической Жизни продолжаетъ печатать свои «записки».

«ТЕМНА ДУША МУЖИЦКАЯ»

«Тихо въ украинской деревнѣ..... Разъ только изрѣдка какой нибудь проѣзжій человѣкъ изъ райкома или совѣта заглянетъ, поговоритъ о политикѣ, о налогѣ, о середнякѣ. Газетку свѣжую привезетъ. И то хорошо, а то въ избѣ-читальнѣ, что стоитъ въ самомъ центрѣ села, газеты все старыя. Книжки такія, которыя всѣ грамотные хлопцы уже давно наизусть знаютъ. Замасленныя, засусоленныя, книжки, такъ что свѣжему городскому человѣку жутко ихъ и въ руки братъ.

Уѣдетъ проѣзжій человѣкъ къ себѣ, а дядько возьметъ ту газету, которую онъ оставилъ въ избѣ-читальнѣ, повертитъ ее такъ и этакъ. Дастъ грамотному почитать, а самъ слушаетъ. Такъ же слушаетъ, какъ въ церкви слушаетъ непонятную проповѣдь или псалтырь по покойникѣ. Сосредоточенно, туго, немного склонивъ голову на бокъ. Вздохнетъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ жалостливо написано. Высморкается однимъ пальцемъ, оботретъ руку о полу свитки и снова слушаетъ. А изъ устъ грамотнаго вылетаютъ слова, какъ горохъ.

— Точь въ точь, какъ нашъ дьячокъ — думаетъ дядько — только у дьячка зубы черные, а у этого, какъ у лошади...

«Середнякъ, бѣднякъ, кулакъ, смычка, производство, порядокъ...» — доносится до его уха.

Насчетъ порядку это — вѣрно сказано — неожиданно перебьетъ дядько.

И опять замолчитъ.

Что онъ думаетъ? Кто его знаетъ Во всякомъ случаѣ, процессъ его мышленія свой, особый, черноземный...

Кончилось чтеніе. Дядьки медленно расходятся. Молчатъ Или говорятъ о своемъ, будничномъ, мужицкомъ. О саняхъ, которыя «треба бъ було починиты», о конягѣ, которая «щось на праву ногу ковыляе...» А о томъ, что прочитано — ни слова.

Поняли или не поняли? Неизвѣстно.

Темна душа мужицкая, темна, какъ темный лѣсъ, что начинается вотъ тамъ за околицей.

«КУЛАКЪ»

Рисовальщики агитплакатовъ дѣлаютъ большую ошибку, когда изображаютъ кулака въ видѣ трафаретной фигуры этакого кабатчика, цѣловальника или трактирщика, съ огромнымъ пузомъ, въ жилетѣ, съ цѣпочкой отъ часовъ и съ окладистой бородой рыжаго цвѣта. Такой кулакъ умеръ, такого кулака вы теперь нигдѣ въ деревнѣ, за рѣдкими исключеніями, не увидите.

Къ такому плакату мужикъ подойдетъ, посмотритъ и отходитъ.

— У насъ такихъ нема — скажетъ онъ.

И онъ совершенно правъ. Открытое выпячиваніе своей кулацкой природы теперь, конечно, не въ модѣ.

Безполезно также прибыть въ деревню и спросить:

— А, что, есть у васъ кулаки?

— Ни — скажутъ вамъ — нема....

Но когда вы приглядитесь, то увидите, что есть и даже очень есть.

Кулакъ нынчѣ пошелъ ловкій. Прежде всего онъ именуетъ себя только «середнякомъ». Раньше такой кулакъ нанималъ себѣ рабочихъ открыто, скажемъ, «отъ Николы до Покрова». А теперь онъ нанимаетъ на сѣнокосъ, на жниво, на уборку хлѣба, на подвозъ дровъ и т. д., каждый разъ отдѣльно. Даже больше того: онъ не найметъ батраковъ на весь покосъ, на все жниво, а на нѣсколько дней, потомъ, съ перерывомъ, опять на нѣсколько дней. Это у него называется:

— Трохи повологлы робить...

У него нѣтъ ужъ большихъ амбаровъ. А у него — все въ хатѣ, на чердакѣ, подъ поломъ, въ огородѣ подъ землей. И даетъ онъ ссуды осторожно. Даетъ только «вѣрнымъ» людямъ, такимъ, которые его не подведутъ, не обманутъ, не сдѣлаютъ скандала, не огласятъ. Да и то нужно его чуть ли не до слезъ просить.

Это — старый кулакъ, дореволюціоннаго происхожденія. Но есть еще въ украинской деревнѣ совершенно новый типъ кулака, совсѣмъ совѣтскаго происхожденія. Этотъ обычно внѣшностью опрятенъ, не толстъ, ходитъ въ курткѣ военнаго образца и въ галифе. Онъ еще молодой сравнительно лѣтъ 30—40. Былъ на войнѣ имперіалистической, а въ войнѣ гражданской больше по хозяйственной части работалъ. Языкъ подвѣшенъ у него не плохо, и этимъ своимъ языкомъ онъ треплетъ во-всю, больше всего прославляя совѣтскую власть.

Такой типъ съ гордостью именуетъ себя «середнякомъ».

За разъѣздами и за общественными дѣлами ему нѣкогда заниматься крестьянскимъ хозяйствомъ, и потому землю свою онъ обрабатываетъ наемнымъ трудомъ. Изъ города онъ всегда ухитряется привозить нужныя въ крестьянскомъ хозяйствѣ вещи, и продаетъ ихъ односельчанамъ втридорога. Онъ очень ловко спекулируетъ различными довѣренностями и мандатами, знаетъ хорошо земельные законы и практику и, не работая, самъ, охотно беретъ въ аренду землю у бѣдняковъ, которую другіе бѣдняки ему и обрабатываютъ.

Въ деревнѣ, его хоть и не громко, но здорово ругаютъ самыми скверными словами.

БѢДНЯКЪ

Иногда крестьяне въ мирной бесѣдѣ начинаютъ обсуждать, кто же въ самомъ дѣлѣ, въ ихъ деревнѣ кулакъ, кто бѣднякъ, и кто середнякъ? Они приводятъ при этомъ такіе аргументы и такую «экономическую базу», отъ которыхъ у любого статистика голова закружится. Высчитываются и принимаются во вниманіе не только земля, постройки, скотъ и ребята, но и содержимое сундуковъ, количество незамужнихъ дочерей, любовь къ чаркѣ, родство до третьяго поколѣнія, физическая сила, грамотность и мало ли что еще!

Мнѣ приходилось слышать такой аргументъ:

— Какой же я середнякъ, если я даже неграмотный? Я, какъ есть, самый настоящій бѣднякъ...

РАЗНЫЯ ИЗВѢСТІЯ

Патріархомъ Александрійскимъ выбранъ митрополитъ Нубійскій Николай

Генералъ Примо - де - Ривера обратился къ Бріану съ телеграммой, въ которой онъ благодаритъ французское правительство «за пожалованіе славнаго французскаго военнаго креста».

Изданъ приказъ объ учрежденіи временнаго Дамаскаго правительства. Генералъ Андреа назначенъ военнымъ губернаторомъ города.

Французскій Верховный комиссаръ Сиріи де Жувенель проѣздомъ въ Ангору, посѣтилъ Константинополь.

Въ Мюнхенѣ произошелъ взрывъ въ одномъ домѣ. 6 человѣкъ убито, 25 ранено.

Въ Берлинѣ, въ номерѣ отеля нашли повѣсившейся маркизу Габріэлу Серру Маршиду Биберну, сестру кинематографической звѣзды Маріи Орской.

Въ Польшѣ арестованъ по подозрѣнію въ шпіонажѣ нѣмецкій лейтенантъ фонъ - Паунвицъ, игравшій видную роль въ нѣмецкихъ правыхъ тайныхъ организаціяхъ.

Въ Вѣнѣ арестованъ бывшій редакторъ газеты «Абендъ», Вейсъ по обвиненію въ нарушеніи законовъ общественной нравственности.

Англійская графиня Вѣра Казкартъ недопущена въ Соединенные Штаты, такъ какъ она недавно была разведена съ своимъ мужемъ.

Въ совѣтской Россіи

19 ПОЖАРОВЪ ВЪ ОДНУ НОЧЬ ВЪ ПЕТРОГРАДѢ

«Красн. Газ.» сообщаетъ: «Съ наступленіемъ морозовъ количество пожаровъ въ Петроградѣ вновь увеличилось». За 5-е февраля произошло 19 пожаровъ.

ПАМЯТИ ПУШКИНА

10 февраля въ 89 годовщину смерти Пушкина въ Петроградѣ въ его бывшей квартирѣ состоялось собраніе памяти Пушкина. Вступительное слово сказалъ академикъ Платоновъ. Ровно въ 2 часа 45 мин. (моментъ кончины поэта) былъ исполненъ похоронный реквіемъ.

ГРАБЕЖЪ ПРОДОЛЖАЕТСЯ

«Областной комиссіей по реализаціи госфондовъ обнаружено въ кладовыхъ дворца вел. кн. Михаила Николаевича (Милліонная) большое количество различныхъ цѣнностей. Среди нихъ: фарфоровый «ленточный» сервизъ изъ 800 предметовъ, хрустальный сервизъ съ монограммами изъ 900 предметовъ, сервизъ изъ венеціанскаго хрусталя и большой чайный сервизъ работы Императорскаго фарфороваго завода, принадлежащій Александру II. Найдены, кромѣ того, отдѣльные предметы высокохудожественной работы отъ другихъ сервизовъ, среди которыхъ огромныя хрустальныя вазы въ серебряной оправѣ работы XVIII в., а также фарфоровыя статуэтки, много старинныхъ часовъ, канделябровъ и вазъ работы извѣстныхъ мастеровъ конца XVIII и начала XIX в. Все найденное стоитъ нѣсколько сотъ тысячъ рублей.» («Красная Газ.» 6 февр.

СОННАЯ БОЛѢЗНЬ ВЪ КІЕВѢ

«Извѣстія» сообщаютъ, что въ Кіевѣ зарегистрировано нѣсколько случаевъ сонной болѣзни, при чемъ нѣкоторые проходятъ въ очень тяжелой формѣ. Наблюдаются повторныя заболѣванія.

МОРОЗЫ ВЪ МОСКВѢ

Въ Москвѣ вновь наступили морозы. Температура понизилась до 20 градусовъ.

Записная книжка

Разсказъ Х., пережившаго послѣдніе дни Ростова, конецъ декабря 1919 года. Спѣшу записать этотъ разсказъ, — напечатать его въ «Южномъ Словѣ» уже не удалось. Впослѣдствіи такимъ разсказамъ цѣны не будетъ.

Это страшное время говоритъ Х., никогда не изгладится изъ памяти тѣхъ, кто пережилъ его.

Хотя серьезность положенія не скрывалась ни отъ насъ, ни отъ населенія и всѣ грозные признаки быстро надвигавшейся развязки были налицо, все же какъ то не вѣрилось, что гибель Ростова такъ близка.

А между тѣмъ она наступила даже гораздо раньше, чѣмъ можно было предполагать.

Пришла неожиданная вѣсть, что большевики внезапно появились у Матвѣева Кургана. И въ городѣ поднялась паника, а для власти стало ясно, что необходима сдача города.

Расформировали Особое Совѣщаніе сократили до послѣдней возможности составъ служащихъ во всѣхъ вѣдомствахъ и приступили къ эвакуаціи. Но, къ несчастью, выполнить ее въ необходимой мѣрѣ было совершенно невозможно — за недостаткомъ вагоновъ, паровозовъ, топлива...

Полностью отмѣнили пассажирское движеніе и распорядились подавать вагоны только для эвакуирующихся учрежденій.

Право садиться въ вагоны предоставляли только женщинамъ и дѣтямъ, и патрули безпощадно вытаскивали изъ вагоновъ ловкихъ мужчинъ, тайкомъ забиравшихся туда.

Однако, и при этомъ подвижнаго состава не хватало. И пришлось распорядиться по многимъ вѣдомствамъ, чтобы они грузили дѣла и имущество на подводы и шли за Донъ, на станцію Батайскъ, походнымъ порядкомъ. Служащіе многихъ правительственныхъ учрежденій, усадивъ свои семьи въ теплушки и конскіе вагоны, цѣлыми партіями отправились на Батайскъ пѣшкомъ. И все же большое количество этихъ учрежденій не успѣло, не могло сдѣлать даже этого и оставалось въ Ростовѣ до самой послѣдней минуты его.

Двадцатаго декабря пришла новая жуткая вѣсть: большевики захватили Таганрогъ. И тогда, вообразивъ, что онъ взятъ регулярными войсками и что вотъ-вотъ нагрянетъ конница Буденнаго, Ростовъ заметался уже въ полномъ ужасѣ.

На улицахъ и на путяхъ къ вокзалу не стало отъ многолюдства ни проходу, ни проѣзду.

Лихорадочно заколачивались зеркальныя витрины магазиновъ, пустѣли выставки и прилавки. Головокружительно падали цѣны на все и на вся, аукціонные залы торговали съ утра до вечера, — тѣ что были характеромъ потверже и поспокойнѣе, за сто рублей брали бутылку шампанскаго, стоившую вчера пять тысячъ, почти даромъ скупали золото, серебро, драгоцѣнные камни, мануфактуру... И среди неудержимаго людского потока, стремившагося къ вокзалу или къ мосту, за Донъ, то и дѣло мелькали озабоченныя, взволнованныя и полныя страха и жадности лица спекулянтовъ, которые на повозкахъ, на тачкахъ и просто на собственныхъ рукахъ сплавляли вонъ изъ города свои пожитки.

Власть однако не теряла присутствія духа, оставалась на своихъ постахъ и пыталась ободрить населеніе и прекратить его безпорядочное бѣгство, предоставленіе Ростова на произволъ судьбы.

Запестрѣли на стѣнахъ домовъ призывы къ спокойствію, приказы, распоряженія. Была объявлена всеобщая трудовая повинность и запрещенъ самовольный выѣздъ изъ города всему мужскому населенію отъ семнадцати до пятидесяти пяти лѣтъ. Черезъ городъ прослѣдовали по направленію къ позиціямъ свѣжія воинскія части съ музыкой, прогрохотали батареи.

И наступило временное успокоеніе. Началось возвращеніе бѣженцевъ обратно въ городъ, стали открываться магазины и снова стали бѣшено расти цѣны: магазины снова наполнились разряженными дамами, на тысячи накупавшими всякой всячины къ наступающему сочельнику... Больно и противно было глядѣть на эту ужасающую русскую безпечность, такъ быстро смѣнившую безумную панику!

Впрочемъ, все это длилось очень недолго.

Двадцать второго декабря Главнокомандующій перенесъ свою ставку на станцію Батайскъ и покинулъ Нахичевань.

Въ городѣ распространились слухи о близкомъ возстаніи мѣстныхъ большевиковъ.

По вечерамъ пошла въ городѣ безпорядочная стрѣльба, начались столь многочисленные и дерзкіе грабежи и убійства, что пришлось издать приказъ безпощадно вѣшать грабителей и убійцъ на мѣстѣ преступленія. И вотъ страшной картиной ознаменовались послѣдніе ростовскіе дни: сразу въ четырехъ мѣстахъ города появились четыре повѣшенныхъ. Помню, — было солнечное ледяное утро, въ страшной грязи тянулись по улицамъ подводы продолжавшихъ эвакуацію правительственныхъ учрежденій, взадъ и впередъ шли по тротуарамъ горожане, а вѣтеръ покачивалъ висѣвшіе на деревьяхъ трупы... Возлѣ нихъ стояли цѣлыя толпы народа — и удивительно: всѣ совершенно равнодушно смотрѣли на искаженныя, съ запекшейся на губахъ кровью, лица удавленниковъ.

Къ вечеру Сочельника отъ временнаго успокоенія и оживленія Ростова снова не осталось и слѣда — городъ точно вымеръ. Въ жуткой тишинѣ встрѣчалъ онъ рождественскую ночь. Только нелѣпо гремѣлъ пустой трамвай по главной улицѣ мимо опять закрывшихся, наглухо забитыхъ магазиновъ, мимо поломанныхъ и брошенныхъ повозокъ и дохлыхъ лошадей. Освѣщена была только эта улица, — прочія тонули въ темнотѣ. А удавленники еще висѣли, покачиваясь отъ вѣтра.

Двадцать пятаго декабря большевики взяли Новочеркасскъ, двадцать шестого конница Думенко ворвалась въ Нахичевань. И опять — и уже въ послѣдній разъ — улицы Ростова наполнились толпами бѣгущихъ къ мосту, за Донъ. А двадцать седьмого въ Ростовѣ уже шелъ бой на улицахъ, — тоже послѣдній, отчаянный бой нашихъ войскъ съ напиравшими большевиками, которыхъ мы задерживали, медленно отступая къ Дону.

Я пѣшкомъ вышелъ изъ Ростова поздним вечеромъ двадцать шестого и шелъ до Батайска почти сутки. По истинѣ это былъ крестный путь для всѣхъ, кто двигался по этой страшной дорогѣ вмѣстѣ съ нами, послѣдними защитниками несчастнаго Ростова: оттепель превратила дорогу въ сплошное болото, изъ котораго шестерка лошадей съ великимъ трудомъ вытягивала пустую повозку, мы по колѣно тонули въ грязи, пробираясь среди поломанныхъ и брошенныхъ телѣгъ, конскихъ труповъ и цѣлыхъ горъ брошеннаго добра: сахара, кожи, снарядовъ, всякихъ интендантскихъ припасовъ....

На этомъ обрываются торопливыя строки, полученныя нами отъ Х. Я заношу ихъ въ свою книжку на французскомъ пароходѣ «Патрасъ», который вотъ-вотъ долженъ покинуть Одессу, уже взятую большевиками.

Слѣдовало бы, конечно, лучше записать то, что только что пережилъ я самъ, что пережили всѣ мы, послѣдніе бѣглецы изъ Одессы, только что погибшей на нашихъ глазахъ не менѣе страшно, чѣмъ Ростовъ, только на мѣсяцъ позднѣе.

Но свое я записывать сейчасъ не въ силахъ.

Конецъ, прощай, Россія.

Ив. Букинъ.